
А. А. Сотниченко

**Расцвет и закат пантюркизма в Турции
на рубеже XX — XXI вв.**

В 1991 г. неожиданно для многих экспертов-политологов, стран и народов, их населяющих, распался Советский Союз — самая могущественная многонациональная континентальная империя XX в. 50 миллионов тюрков и примерно столько же мусульман оказались перед выбором основного партнера для политических и экономических отношений. Не менее важной оказалась проблема культурно-языковой ориентации, поскольку Москва добровольно отказалась от своей роли центра. В результате сложившихся трансформаций в начале 1990-х гг. начали всплывать и проходить апробацию забытые теории, похороненные современниками еще в первой половине XX в.

Одной из таких теорий, весьма популярной как в начале XX в., так и сейчас, является пантюркизм. Основная идея пантюркизма заключается в объединении всех тюркских народов в империю по этническому (или в ряде вариантов — этно-конфессиональному) признаку. Родственными пантюркизму движениями можно считать пантуранизм — объединение евразийских народов по этногеополитическому признаку на территории «Турана» — и тюркизм — идеологию, действовавшую в Турции в 20—30-е гг. XX в., смысл которой — объединение всех тюрков на территории Анатолии и Восточной Фракии в рамках национального государства европейского типа. Все эти общественно-политические движения ориентировались на Турцию как государство, не только удачнее других синтезировавшее традиции Востока и Запада по сравнению с соседями, имеющее опыт построения многонациональной империи, но и объединяющее наибольшее число тюрков в рамках одного геополитического пространства.

В 80—90-е гг. XX в. Турция переживает период ломки традиционных экономических схем, что сопровождается социаль-

ными потрясениями и поиском новых идеологических направлений. С другой стороны, конец XX в. для Турции стал эпохой бурного развития частного предпринимательства, который удачно совпал с распадом СССР и открытием границ. Для большинства тюрков советской империи Турция стала самой доступной за границей. Для турецкой политической элиты политическая и экономическая экспансия в Евразию представлялась одним из направлений сглаживания социальных противоречий внутри страны.

В результате пристального внимания прессы пантюркизм как явление, наряду с панисламизмом и исламским фундаментализмом, стал одним из популярных ответов на часто задаваемые вопросы о неудачах российской внешней политики на южном направлении. Огромное количество публицистических статей по теме не прояснило ситуацию, сложившуюся с этими идеологическими направлениями, но лишь подогрело интерес к этой теме. Наконец, в 2002 г. в Москве при поддержке армянского института международного права и политологии «Союза армян России» вышла книга Александра Сваранца «Пантюркизм в геостратегии Турции на Кавказе»¹, которая остается фактически единственным изданием на русском языке об историческом пути и современном состоянии пантюркизма. Книга изобилует выводами о пантюркизме и панисламизме (родственных, с точки зрения автора книги, явлениях) как о первоочередной опасности для южных границ Российской Федерации, о проектах «Великого Турана», на осуществление которых направлена деятельность турецких спецслужб. В целом, книга дает крайне односторонний взгляд на проблему, свойственный армянской политической элите, заинтересованной в создании негативного образа Турции в российском обществе.

К сожалению, в том числе и благодаря такого рода изданиям, в России сейчас не делают большой разницы между пантюркизмом и панисламизмом. Считается, что это родственные политические течения, которые поддерживаются экспансионистской политикой Турции. Большинство мусульман на территории бывшего СССР — тюрки, а большинство тюрков — мусульмане, что позволяет приходиться к таким выводам. Такие общие выводы могут быть подвергнуты критике со стороны специали-

¹ А. М. Сваранц, *Пантюркизм в геостратегии Турции на Кавказе* (Москва, 2002).

стов по вопросам межэтнических взаимоотношений в Евразии. Например, для турецкого тюркизма в первой половине XX в. был характерен крайний секуляризм, немногим отличающийся от воинствующего атеизма в тот же период в СССР. Сейчас Турция — светское государство, использование исламских идей в политических целях запрещено, а ведь именно Турцию в первую очередь обвиняют в пропаганде панисламизма на Кавказе и в Средней Азии. Однако не следует и полностью разделять эти два явления, особенно в регионе Средней Азии и на Кавказе, где велик процент тюркского мусульманского элемента. В настоящее время представляется возможным говорить о комплексном явлении пантюркизма и панисламизма, показывая их различия на конкретных примерах, что мы и будем делать в настоящей статье.

Пантюркизм как политическое движение возник на территории Российской империи. Согласно современным теориям, возникновение буржуазных наций² неразрывно связано с экономическим и политическим развитием региона, в частности с развитием капиталистических отношений. В Османской империи турки позже большинства подвластных им народов встали на путь национального возрождения. Зачатки капиталистических отношений существовали только в отдельных городах, и то, как правило, в их развитии участвовали представители немусульманских общин: греки, евреи, армяне. Национализм европейского типа приходилось прививать на территории Анатолии первому президенту Республики Турция Мустафе Кемалю Ататюрку, причем довольно суровыми методами. Кстати, первые уроки национализма туркам преподавали именно немусульманские народы Османской империи. Известны контакты лидеров младотурецкого движения конца XIX в. с армянскими, греческими и еврейскими национальными организациями³.

В Российской империи существовало больше предпосылок для тюркского национализма. Известно, что симбиоз русской и тюркской культур насчитывает многие сотни лет. Нельзя сказать, что опыт общения для обоих народов был всегда положи-

² М. Хрох, «От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе», *Нации и национализм* (Москва, 2002), сс. 121—124.

³ Ю. А. Петросян, *Младотурецкое движение (вторая половина XIX — начало XX вв.)* (Москва, 1971), с. 76.

тельным, однако контакты имели непрерывный характер. Известно, что со времени возникновения Руси на карте между Востоком и Западом Евразии велось соперничество между тюркским и славянским мирами за господство над пространствами континента. С середины XVI века завоевания Казани, Астрахани и Сибирского ханства определили доминирование русской культуры в евразийском пространстве на несколько сотен лет вперед.

Европейские реформы проникли в Россию раньше, чем в Османскую империю. Капитализм стал развиваться с начала XVIII века, причем татары-мусульмане активно участвовали в капиталистическом производстве, торговле и управлении, так же, как греки, армяне и евреи в Османской империи. Именно в среде тюркской буржуазии, младшего офицерства и интеллигенции в первой половине XIX в. проникают европейские идеи Нового времени о нерелигиозности сознания, вторичности традиции по отношению к политике и экономике, социальном равенстве и самоопределении наций.

Однако до проникновения националистических идей в широкие массы было далеко, тем более учитывая глубоко укоренившееся религиозное сознание населения. Поэтому реформация в первую очередь коснулась религии и языка.

Во второй половине XIX в. в Поволжье, где проживали самые образованные мусульманские подданные Российской империи, возникает обновленческое движение «джадидов» (от арабского *усул ал-джадид* — новый метод). К пантюркизму сначала это движение не имело никакого отношения, однако сторонники «нового метода» активно изучали богословскую и методическую литературу, которая печаталась в Османской империи. Это способствовало сближению тюрко-мусульманских народов, как по этно-лингвистическому, так и по религиозному принципу. Однако из-за затяжного экономического и политического кризиса Порты джадиды не стремились скорее войти в сферу влияния Константинополя, а желали духовного объединения мусульманских народов по религиозному принципу, скорейшей их интеграции в традиционные институты Российской империи⁴. Первоначально их внимание было акцентировано на несовершенстве ста-

⁴ Ю. Б. Османов, «Исмаил Гаспринский о русско-турецких отношениях и проблеме евразийства», *Османская империя. Проблемы внешней политики и отношений с Россией* (Москва, 1996), сс. 238—239.

рой системы религиозного образования среди мусульманских поданных России. На самом деле, по мнению современных исследователей, джадиды пытались приспособить ислам к новым требованиям эпохи развития капитализма⁵.

Первые националистические движения в среде тюркских народов возникают в конце XIX в. До конца XIX — начала XX вв. национализм как в Османской империи, так и в России прививался населению через религиозные представления. В Российской империи идеи о единой тюркской нации возникают впервые среди джадидов и распространяются через различные мусульманские общества. Многие деятели джадидизма впоследствии эмигрировали в Турцию и встали у истоков формирования турецкого национализма⁶. В Османской империи после победы младотурецкой революции новая националистически-ориентированная элита долгое время не могла отказаться от приоритета панисламистского элемента национальной политики, доставшегося ей в наследство от предыдущей эпохи правления султана Абдул-Хамида II.

Наилучшим временем для распространения идей объединения тюркских народов в одно геополитическое образование становится период I мировой войны и революционных потрясений в России. Старая имперская идея исчерпала себя окончательно, а новая, коммунистическая, которая характеризовалась атеизмом и интернационализмом, довольно долгое время с трудом завоевывала признание народных масс. Во время войны пропаганда со стороны младотурецкого правительства на мусульманские народы Российской империи велась в первую очередь с позиций панисламизма, так как идея о национальной общности тюркских народов еще не получила своего окончательного развития ни в Турции, ни в России. В 20-е годы XX в. центр тюркского национализма в Малой Азии переживал не лучшие времена и не мог рассчитывать на вложение ресурсов в сомнительные предприятия в Средней Азии и на Кавказе. Кроме того, турецкие националисты во главе с Мустафой Кемалем были кровно заинтересованы в развитии дружественных отношений с Советской Россией, потому распространение пантюркистских идей

⁵ Ф. Ходжаев, *К истории революции в Бухаре и национального размежевания в Средней Азии* (Ташкент, 1970), i, сс. 87—88.

⁶ Например, Исмаил Гаспринский, Юсуф Акчура, Ахмед Агаев, З. В. Тоган и др. См.: З. В. Тоган, *Воспоминания* (Москва, 1997).

среди среднеазиатских тюрок стало уделом маргинальных турецких политических деятелей, находившихся в конфликте с центральной властью⁷.

Следует заметить, что в 1920—1930-е гг. XX в. Советский Союз и Турция, чьи отношения в этот период можно назвать дружественными, проводили сходную политику в отношении религиозных течений: в СССР религия была поставлена вне закона, а в Турции, кроме запретительных мер, ислам подвергся насильственной «национализации». Религия была поставлена на службу государственной власти, стоящей на националистических позициях⁸, подобно тому как церковь была поставлена на службу государству в Великобритании или в России Петром I. Период напряженных отношений между СССР и Турецкой республикой в 40—50-е гг. также не ознаменовался серьезным распространением пантюркистских идей в Евразии, так как до реального конфликта дело так и не дошло.

Тюркоязычные мусульманские республики Кавказа и Средней Азии обратили внимание на Турцию как на основного политического и экономического партнера сразу после распада СССР. После обретения независимости народы СССР начали искать новые ориентиры. Турция, казалось, подходила для этих целей в наибольшей степени. Языковая и конфессиональная близость открывала новые возможности для сотрудничества. Экономическое развитие Турции в начале 90-х годов проходило довольно бурно. Совокупный доход всех тюркских государств СНГ, при численности населения примерно равной турецкой, составлял всего треть от ВВП Турции, несмотря на обилие запасов углеводородного сырья, а среднедушевой доход уступал турецкому на порядок⁹. Союзнические отношения Турции с ведущими странами мира, в том числе с США, обещали стабильность политических контактов. Традиционный лаицизм турецкого руководства также импонировал не только политической элите тюркоязычных республик — бывших высокопоставлен-

⁷ В. Кузнецов, «Турецкий “Наполеончик” Энвер-паша», *Татарский мир* (<http://www.tatmir.ru/article.shtml?article=119>).

⁸ A. Gürtaş, *Aç Atatürk ve Din Eğitimi* (Ankara, 2000), s. 115.

⁹ Е. И. Уразова, «Состояние и перспективы экономических отношений между Турцией и новыми тюркскими государствами Центральной Азии и Закавказья», *Российско-турецкие отношения: история, современное состояние, перспективы* (Москва, 2003), с. 259.

ных советских партийных работников, но и большинству населения, воспитанного в атеистических традициях советской школы.

В Турции начала 90-х гг. XX в. пантюркистские идеи получают свое второе рождение. Политически страна осознала себя региональной державой с широкими амбициями и свободными средствами, которые могли бы быть вложены в экономику и политику новых евразийских акторов международных отношений с целью скорого получения геополитических дивидендов. Если в мировой политике XX в. Турция выполняла роль объекта экспансии, занимала подчиненную роль по отношению к мировым державам, то распад СССР предоставил ей шанс стать одним из региональных лидеров — непростая задача, реализация которой в итоге принесла больше разочарований, чем дивидендов. Распространение влияния Турции на тюркские государства Средней Азии и Кавказа преследовало несколько целей. Остановимся подробнее на каждой из них.

Турция в первой половине 90-х гг. XX в. стремится компенсировать свои неудачи во взаимоотношениях с ЕС, в основном из-за экономических трудностей, существования ТРСК и проблем соблюдения прав человека в районах, населенных курдами. Долгое время в Юго-Восточной Анатолии шла настоящая партизанская война, и большинство европейских государств выступало против интеграции с Анкарой. Поскольку до окончательного разрешения курдской проблемы вопрос о вступлении в ЕС оставался открытым, Турция объявила среднеазиатское и кавказское направление одним из приоритетных. На северо-восточном направлении своей политики Анкара сама могла выступать проводником демократии, в то время как ЕС настаивал на роли старшего партнера по отношению к Турции. По мнению доктора Мустафы Айдына из Анкарского технического университета: «Они (страны Средней Азии и Кавказа. — А. С.) должны учиться на примере Турции. Мы сделали немало, но совершили и немало ошибок. Если мы являемся дружескими и братскими странами и развиваемся в русле одной культуры, то они должны у нас учиться, чтобы не повторить наши ошибки»¹⁰. Профессор, доктор Эрол Мутлу в беседе с ректором Киргизско-Американского университета: «...дискуссировали и по поводу того, может ли Турция быть моделью для среднеазиатских

¹⁰ М. Aydın, E. Mutlu, *Avrasya TV* (<http://pc12.soc.metu.edu.tr/rhome.html>).

республик. Пришли к выводу, что может, потому что Турция в своем развитии отражает особенности и развитой и развивающейся страны»¹¹. Выступая проводником демократических (западных, европейских) ценностей и либеральной экономики на востоке Турция может рассчитывать на более снисходительную позицию к себе со стороны ЕС.

Турция стремится заполнить экономический, политический и идеологический вакуум, образовавшийся на Кавказе и в Средней Азии в результате распада СССР. Действительно, регион богат ресурсами, которых так не хватает Турции, а также стоит перед выбором путей развития. Турция предпринимает попытки убедить лидеров новых независимых государств воспользоваться ее достижениями, пойти по ее пути. Идеи общности народов по этноконфессиональному признаку активно используются Турцией для экспорта капитала в Среднюю Азию и на Кавказ.

Посредническая миссия. Богатый ресурсами и свободный от чьей бы то ни было экономической гегемонии регион в начале 90-х гг. XX в. стал привлекать иностранный капитал. Турция не могла в силу своих ограниченных экономических ресурсов обеспечить все потребности региона в инвестициях. Однако именно турецкий бизнес с первых лет независимости новых государств Евразии занял там лидирующие позиции в ряде отраслей. До сих пор турецкий частный капитал наряду с государственными структурами выступает посредником в деле привлечения в экономику региона западного капитала, представляя среднеазиатские государства и Азербайджан как своих союзников, также выбравших светский, демократический путь развития.

После нескольких лет пантюркистской эйфории в середине 90-х гг. XX в. происходит период охлаждения отношений между Турцией и новыми независимыми государствами. Наиболее одиозные политики, выступавшие за скорейшую реализацию пантюркистского проекта¹², теряют свое влияние, а экономически Средняя Азия и Кавказ все больше переориентируются на

¹¹ *Ibid.*

¹² Например, к концу 90-х гг. XX в. резко падает популярность главных поборников пантюркистского проекта в Турции Партии Националистического Движения. В 2002 г. им удалось набрать лишь 8,34 % голосов (в отличие от 18 % на выборах 1999 г.), и партия до 2007 г. не была представлена в парламенте.

традиционного партнера — Россию — при стабилизации объемов сотрудничества с Турцией. Официальная Турция, в свою очередь, отказывается от сотрудничества с экстремально настроенными пантюркистскими антироссийскими силами из-за высокого уровня экономического сотрудничества между нашими странами¹³, который превышает показатели со всеми тюркскими республиками бывшего СССР, вместе взятыми.

Экономические провалы пантюркистской политики оказались настолько существенными, что ожидать скорой реализации планов объединения тюркской Евразии под эгидой Турции не приходится. Основным противоречием для интеграции новых независимых государств в турецкое экономическое пространство является наличие у Турции целого комплекса экономических и политических проблем. Экономическая глобализация как основная тенденция развития мирового сообщества в современный период не согласуется с политическими интеграционными моделями, предлагаемыми пантюркистами.

Турецкая экономика слаба для проведения мощной территориальной и политической экспансии. Во второй половине 90-х гг. XX в. Турция неоднократно становилась жертвой экономических кризисов, результатом которых стал откат ее инициатив по объединению вокруг себя народов Средней Азии и Кавказа. Экономические проблемы Турции достаточно хорошо изучены, так как являются одной из основных причин отрицательного отношения большинства членов ЕС к немедленному вступлению Турции в эту организацию. Аналитические центры ЕС, на наш взгляд, являются наиболее объективными источниками для определения места Турции в экономике ЕС и всего мира в целом¹⁴. Только с отказом от экономически нецелесообразных проектов экономической экспансии Турции в страны Средней Азии и Закавказья, с 2002 г., Турция вступает в полосу уверенного экономического развития, не прерываемого кризисами и гиперинфляцией.

¹³ В ноябре 2007 г. Россия вышла на первое место по экспорту в Турцию (2,366 млн. \$), опередив по этому показателю даже традиционного партнера, Германию. *Dış Ticaret İstatistikleri Kasım, 2007*, (<http://www.tuik.gov.tr/PreHaberBultenleri.do?id=633>).

¹⁴ *Turkey — Adoption of the Community Acquis* (<http://europa.eu.int/scadplus/leg/en/s40013.htm>).

Турецкий язык не был и не стал за последние 13 лет после распада СССР языком межтюркского общения. Во многих тюркоязычных республиках языком межнационального общения по-прежнему остается русский. Именно Российская Федерация является наиболее привлекательным регионом для трудовой миграции из стран Средней Азии и Южного Кавказа. Турецкие журналисты с удивлением писали о том, что, собираясь в Анкаре на саммит глав тюркоязычных государств, президенты общаются между собой на русском языке, а не на одном из тюркских¹⁵. Действительно, во многих странах СНГ существует проблема национальных языков: в Казахстане, например, на казахском говорят не более 35—40 % населения¹⁶. Кроме того, турецкий язык, несмотря на его некоторое распространение в последнее десятилетие за счет турецкого телевидения и радио в тюркских республиках СНГ, еще не стал общедоступным, так как не вытеснил русский из системы образования.

Если посмотреть на карту, выход к тюркским народам Кавказа и Средней Азии перекрывается для Турции Арменией и Грузией, которые занимают довольно прочные позиции на международной арене, имеют сильных покровителей за рубежом и не готовы подчиниться турецкому влиянию. Эта геополитическая проблема является, с нашей точки зрения, одним из наиболее серьезных препятствий для тюркского единства. Республика Армения продолжает стоять на антитурецких позициях, и нет оснований предполагать, что в ближайшее время ситуация коренным образом изменится.

США, России, Китаю — основным акторам международных отношений в Евразии — не выгодно создание в центре Евразии самостоятельного, мощного, непредсказуемого геополитического образования, которое может составить им конкуренцию. США привыкли видеть в Средней Азии и на Кавказе «евразийские Балканы»¹⁷ — территорию, состоящую из нескольких независимых государств с открытой для инвестирования экономикой. Только независимые Средняя Азия и Кавказ выгодны для США, но ни в коем случае не китайская, российская или турецкая.

¹⁵ S. Türksoy, *Türk Kurultayı'nın Eksileri- Artıları*

(http://www.istehayat.net/tr/Yazarlar/Seyfullah_Turkso/a.17525.html).

¹⁶ А. А. Сотниченко, «Геополитика Казахстана (современный этап)», *Казахстан: История. Культура. Язык* (Санкт-Петербург, 2003), с. 64.

¹⁷ З. Бжезинский, *Великая шахматная доска* (Москва, 1998), с. 128.

Существует также ряд субъективных причин для свертывания политики пантюркизма в Средней Азии и на Кавказе. Одной из главных является государственный национализм тюркских народов СНГ, формирование новых крепких элит, которым не выгодна юнионистская пантюркистская позиция Турции, не подкрепленная соответствующими экономическими, политическими и геополитическими ресурсами. Особо следует отметить вполне достаточную степень суверенитета тюркских республик в составе Российской Федерации. Последнее время сепаратистские тенденции начала 1990-х в Поволжье стали почти незаметны. Лояльность к центральной власти вполне обеспечивает местным элитам свободу выбора языка, литературы и направления развития культуры.

Особо следует выделить наличие межтюркских противоречий экономического, политического, религиозного, геополитического характера. В Азербайджане распространен ислам шиитского толка, в то время как в Турции и других тюркских республиках СНГ — суннитский ислам ханифитского *мазхаба*; на Северном Кавказе распространены шафиитский *мазхаб* и суфийские ордена, которые не имеют влияния в СНГ, но имеют влияние в Турции. Степень религиозности общества в различных республиках СНГ весьма различна. В Узбекистане и на Северном Кавказе, например, она высока, чего нельзя сказать об Азербайджане и Казахстане¹⁸. Между прикаспийскими республиками существуют геополитические противоречия, например, из-за шельфа Каспийского моря, что в значительной степени затрудняет процессы интеграции¹⁹.

Итак, по нашему мнению, несмотря на стереотипы, сформированные российскими СМИ, проблема экспансии Турции в Среднюю Азию, Поволжье и на Кавказ при помощи идей пантюркизма существует в ограниченном масштабе. Современная ситуация на Евразийском континенте складывается так, что в настоящее время нет никаких предпосылок для создания общетюркского политического образования в Евразии. Рост пантюркистских и панисламистских настроений, возникший в середине 1990-х гг. XX в. на волне эйфории после обретения незави-

¹⁸ М. Бердыев, «Ислам — “проводник” иранизмов в тюркскую кочевую культуру», *Центральная Азия XII* (1997), с. 26.

¹⁹ Подробнее см.: Л. С. Рубан, *Каспий — море проблем* (Москва, 2003), сс. 63—106.

симости новыми государствами прекратился уже к началу XXI в. в связи с экономическим кризисом в Турции и стабилизацией в Российской Федерации, спад этих настроений продолжается.

Угроза для России с южного направления может исходить в первую очередь со стороны исламских фундаменталистских течений, международного терроризма, наркоторговли, которые не связаны с пантюркистским движением, ориентированным на Турцию. Такие течения представляют не меньшую опасность для правящего светского строя Анкары, чем для Москвы. Как раз в этой сфере можно надеяться на скорейшую интеграцию усилий по противодействию радикальному исламу транснационального, ваххабитского толка²⁰.

Идея политического объединения тюркских народов на условиях этноконфессионального родства все больше маргинализируется, консервируется в определенных политических партиях и движениях (в основном в Турции) и не представляет собой опасности на современном этапе. В первую очередь это Партия Националистического Движения, проигравшая выборы 2002 г. и т. п. Возрождение пантюркистских идей возможно только в случае наступления эпохи глобальной нестабильности и разрыва сложившихся тесных экономических связей между Россией и Турцией.

²⁰ *Москва и Анкара: вместе против терроризма*
(<http://www.turtsia.ru/article/?category=1&id=1078982246>).